УДК 343.14

ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ БАЗЫ КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВА СОВЕРШЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

***Руденок А.С.*[1]**

магистрант, кафедра экономики, финансов и капитала,

Российский государственный социальный университет,

г. Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена оценке документов, на которых строится доказывание по делам об экономических правонарушениях. Цель работы состоит в том, чтобы определить критерии качества документальной базы и выявить дефекты, чаще всего лишающие её доказательственной силы. Материалом послужили нормы УПК РФ, КоАП РФ и законодательства о бухгалтерском учёте, разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, кассационное определение Верховного Суда РФ 2026 г., письмо ФНС России и научные публикации 2018–2026 гг. Использованы формально-юридический и сравнительно-правовой методы, анализ правоприменительной практики и систематизация. Предложена модель из семи уровней оценки, от происхождения документа до достаточности всей совокупности. Показано, что формальная безупречность первичного документа ещё не доказывает реальности хозяйственной операции, а экспертный расчёт или акт проверки сами по себе не предрешают вывода о виновности.

[1] *Научный руководитель - Аношина Ю.Ф., д.э.н., профессор, профессор кафедры экономики, финансов и капитала, РГСУ.*

Anoshina Y. F. - Doctor of Economics, Professor, Professor, Department of Economics, Finance and Capital, Russian State Social University.

Ключевые слова: документальные доказательства, иные документы, оценка доказательств, достоверность доказательств, подлинность документа, первичные учетные документы, экономические преступления.

ASSESSING THE QUALITY OF DOCUMENTARY EVIDENCE OF ECONOMIC OFFENCES

Rudenok A. S.
Master's student, Department of Economics, Finance and Capital,
Russian State Social University,
Moscow, Russia

Abstract. The article examines how documents underlying proof in cases of economic offences should be assessed. The aim is to determine criteria for the quality of the documentary evidence base and to identify the defects that most often deprive it of probative force. The study draws on Russian procedural and accounting legislation, rulings of the Supreme Court, a letter of the Federal Tax Service and research of 2018–2026. A seven-level assessment model is proposed, from the origin of a document to the sufficiency of the evidence as a whole. The formal correctness of a primary document is shown not to prove that the transaction took place, and an expert calculation or audit report does not in itself predetermine the conclusion on guilt.

Keywords: documentary evidence, other documents, assessment of evidence, reliability of evidence, authenticity of a document, primary accounting documents, economic crimes.

Экономическое правонарушение редко оставляет следы, которые можно увидеть на месте происшествия. Хищение при исполнении контракта или уклонение от уплаты налогов отпечатываются в договорах, актах приёмки, счетах-фактурах и платёжных поручениях. Поэтому спор о виновности по таким

делам часто становится спором о документах. Процессуальный закон даёт для его разрешения лишь общие ориентиры.

Цель статьи состоит в том, чтобы сформулировать критерии оценки качества документальной базы по делам об экономических правонарушениях и показать, на каких участках чаще всего возникают дефекты. Формально-юридический метод применён к нормам УПК РФ, КоАП РФ и законодательства о бухгалтерском учёте, сравнительно-правовой позволил сопоставить требования двух кодексов к документам. Практика анализировалась по постановлениям Пленума Верховного Суда РФ и кассационному определению Верховного Суда РФ 2026 г., для налоговой сферы привлечено письмо ФНС России. Выборка дел не формировалась. Результаты сведены в систему критериев, представленную в таблице 1.

О масштабе проблемы говорит ведомственная отчётность. В 2025 г. Следственный комитет России направил в суды 22,5 тыс. уголовных дел об экономических преступлениях, из них 1123 дела об уклонении от уплаты налогов[2].. Регистрация преступлений экономической направленности за тот же год дошла до 107,2 тыс., прибавив 1,7% к уровню 2024 г., как сообщают со ссылкой на МВД России «Известия» [3] .Н. А. Логинова пишет, что при доказывании экономических преступлений важнее всего документация на бумажных и электронных носителях [6, с. 66–71].

Статус документа в уголовном деле задаёт ст. 84 УПК РФ. Иной документ допускается в качестве доказательства, если изложенные в нём сведения нужны для установления обстоятельств, перечисленных в ст. 73 УПК РФ, но сам документ должен попасть в дело в порядке ст. 86 УПК РФ. Документ с признаками ч. 1 ст. 81 УПК РФ признаётся вещественным доказательством.

[2] Председатель СК России провел заседание коллегии по итогам работы ведомства в 2025 году // Ассоциация юристов России : [сайт]. – 2026. – 3 марта. – URL: https://alrf.ru/news/predsedatel-sk-rossii-provel-zasedanie-kollegii-po-itogam-raboty-vedomstva-v-2025-godu/ (дата обращения: 16.10.2026).
[3] Бизнес-отход: в РФ растет число реальных сроков за экономические преступления // Финансы Mail : [сайт]. – 2026. – 15 июня. – URL: https://finance.mail.ru/article/biznes-othod-v-rf-rastet-chislo-realnyih-srokov-za-ekonomicheskie-prestupleniya-69213024/ (дата обращения: 16.10.2026).

Сходно решает вопрос ст. 26.7 КоАП РФ, требующая, чтобы при поступлении документа по почте или электронным каналам можно было установить отправителя и обеспечить неизменность документа.

Ч. 1 ст. 88 УПК РФ требует оценивать каждое доказательство с точки зрения относимости, допустимости и достоверности. Совокупность доказательств проверяется на достаточность. Всё, что получено с нарушением кодекса, теряет юридическую силу (ст. 75 УПК РФ). В КоАП РФ оценка тоже ведётся по внутреннему убеждению, и никакие доказательства не имеют заранее установленной силы (ст. 26.11). И. В. Макеева обращает внимание на то, что УПК РФ не раскрывает ни понятия достоверности, ни понятия достаточности. Формальный подход к допустимости она считает ошибочным, потому что часть нарушений устранима [7, с. 101–104].

Нормы описывают свойства доказательства, но молчат о признаках доброкачественного документа. О. Ю. Красовская и Е. Н. Конина различают в документе физическую часть (носитель с записанной информацией) и юридическую (реквизиты с подписями и печатями), которая, по их мнению, определяет подлинность и юридическую силу документа [4, с. 131–132]. К любому документу дела поэтому обращены два разных вопроса. Подлинен ли он как предмет? И правдиво ли то, что в нём записано?

Проверку документальной базы удобно вести последовательно на семи уровнях, от происхождения документа до достаточности всей совокупности (таблица 1).

Таблица 1 – Критерии оценки качества документальной базы по делам об экономических правонарушениях

Уровень оценки	Нормативная опора	Типичный дефект	Средство проверки
1. Происхождение и способ получения	Ст. 75, 86, 89, 164.1 УПК РФ; ч. 5 ст. 26.7 КоАП РФ; постановление	Изъятие носителей вне исключений ст. 164.1 УПК РФ; немотивированные постановления о	Анализ протоколов, постановлений, актов копирования

Уровень оценки	Нормативная опора	Типичный дефект	Средство проверки
	Правительства РФ от 22.04.2017 № 482	признании вещественными доказательствами	
2. Формальная полноценность	Ч. 2, 3, 5 ст. 9 Федерального закона № 402-ФЗ	Отсутствие обязательных реквизитов; электронный документ без электронной подписи	Сличение с перечнем реквизитов
3. Подлинность	Ст. 81, ч. 4 ст. 84 УПК РФ	Подчистки, дописки, монтаж, поддельные подписи и оттиски печатей	Осмотр, технико-криминалистическая и почерковедческая экспертизы
4. Достоверность содержания	П. 9 постановления Пленума ВС РФ от 26.11.2019 № 48; ст. 54.1 НК РФ	Формальный документооборот, «технические» контрагенты	Сопоставление с движением денег, учётными и кадровыми данными
5. Производные документы	Ч. 1 ст. 144, ст. 74, 84 УПК РФ	Справка без процессуального статуса; смешение специалиста-ревизора и ревизора	Допрос специалиста, судебная экспертиза
6. Электронная форма	Ч. 5 ст. 9 Федерального закона № 402-ФЗ; ст. 164.1 УПК РФ	Изменяемость динамических цифровых следов	Проверка электронной подписи, экспертиза с раскрытой методикой
7. Достаточность и связь с умыслом	Ч. 1 ст. 88 УПК РФ; ст. 26.11 КоАП РФ; п. 26 постановления Пленума ВС РФ от 26.11.2019 № 48; п. 4,	Опора на один документ или один расчёт	Сопоставление совокупности с предметом доказывания

Уровень оценки	Нормативная опора	Типичный дефект	Средство проверки
	30 постановления Пленума ВС РФ от 30.11.2017 № 48		

Качество документальной базы закладывается в момент получения документов. Ст. 164.1 УПК РФ, действующая с 8 января 2019 г., запрещает по делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности изымать электронные носители информации. Изъятие допускается по постановлению о назначении судебной экспертизы носителей, по судебному решению и в ряде случаев, связанных с самой информацией, например когда специалист заявляет, что при копировании она может быть утрачена или изменена. Ю. В. Гаврилин и А. А. Балашова видят в этой норме приоритет копирования над изъятием, хотя 77,3% опрошенных ими респондентов с таким приоритетом не согласились [1, с. 78–81]. Слабым звеном нередко оказывается и процессуальная фиксация. О. В. Химичева и И. Б. Тутынин установили, что в 78% изученных ими постановлений о признании предметов вещественными доказательствами мотивировка не связывала предметы с делом [13, с. 55].

Формальный эталон для первичного учётного документа задан ч. 2 ст. 9 Федерального закона от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете», перечисляющей семь обязательных реквизитов. Подлинность устанавливается иначе. М. В. Жижина предлагает с самого начала относиться к любому документу как к потенциальному вещественному доказательству. При осмотре выявляют признаки материального подлога, в том числе следы монтажа, нарушения подложки, дефекты оттисков печатей и подписей. Содержательно-логический анализ того же документа ищет уже интеллектуальный подлог, то есть арифметические ошибки и противоречия с другими документами. Задачи, для которых нет методики, ставить эксперту нельзя [2, с. 126–130].

Труднее всего установить достоверность содержания, потому что подлинный и правильно оформленный документ может описывать то, чего не

было. Пленум Верховного Суда РФ (п. 9 постановления от 26.11.2019 № 48) понимает под заведомо ложными сведениями умышленное указание любых не соответствующих действительности данных. И. Е. Стрыгина описывает 10 способов незаконного обналичивания. В организациях, занятых обналичиванием, учёт, по её наблюдению, ведётся по всем правилам, и формальная проверка схему не выявляет. Автор предлагает сопоставлять синтетический и аналитический учёт, проверять корреспонденцию счетов и искать признаки «двойной» бухгалтерии [11, с. 42–47].

Производные документы следствие создаёт само или получает от проверяющих органов. В. Ю. Яргутова указывает на смешение фигур специалиста-ревизора и ревизора, хотя первый не вправе проводить ревизию и устанавливать недостачу [15, с. 83–84]. Л. П. Климович и Н. Г. Логинова обращают внимание на то, что ч. 1 ст. 144 УПК РФ позволяет требовать производства документальных проверок и ревизий, но не определяет этих понятий. Авторы предлагают вернуть в ст. 74 и 86 УПК РФ положения ст. 69–70 УПК РСФСР, чтобы акты проверок и ревизий стали самостоятельными доказательствами [3, с. 20–25]. Экспертное бухгалтерское мнение, как подчёркивает И. Е. Стрыгина, строится исключительно на документальных доказательствах [12, с. 59–62], поэтому ошибка первичного документа переходит в расчёт.

Для электронного документа внешние реквизиты почти ничего не дают. З. С. Лебедев предлагает признавать доказательством саму информацию независимо от вида документа [5, с. 112–114]. Понятие электронного доказательства в УПК РФ, как констатирует В. В. Платонов, не закреплено [9, с. 209–213]. А. В. Отогочев делит цифровые следы на статические, защищённые от изменения нормами, и динамические, которые можно уничтожить или исказить и которые поэтому требуют быстрой фиксации [8, с. 118–120]. Для первичного документа гарантией остаётся электронная подпись, но для переписки и

выгрузок из учётных систем единого стандарта оценки целостности закон пока не содержит.

Решающей силы нет ни у одного документа. В п. 26 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 48 среди доказательств по налоговым делам названы акты налоговых проверок и заключение эксперта. Решения арбитражных судов, как уточняет тот же пункт, сами по себе не предопределяют выводы о виновности. В п. 4 постановления Пленума от 30.11.2017 № 48 использование поддельных документов при заключении договора названо обстоятельством, которое может свидетельствовать об умысле на мошенничество. В. А. Прорвич и С. В. Расторопов предлагают представлять совокупность доказательств в виде матриц, в которых содержание каждого доказательства соотнесено с обстоятельствами предмета доказывания [10, с. 202–205].

Работу этих критериев хорошо видно на деле, которое Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ рассмотрела 14 мая 2026 г. (кассационное определение № 85-УД26-2-К1). Исполняющий обязанности директора муниципального унитарного предприятия заключил с районной администрацией контракт на ремонт переправы, пострадавшей от урагана в июле 2022 г. Цена контракта составила 612 144 руб. Суд первой инстанции признал ложными сведения об объёме и стоимости работ в составленных по его указанию актах о приёмке выполненных работ и справках о стоимости работ и затрат (формы КС-2 и КС-3) и осудил руководителя по ч. 1 ст. 292 и ч. 3 ст. 159 УК РФ. Ущерб в 470 623,89 руб. был выведен из заключений эксперта, рассчитавшего разницу между фактической стоимостью работ и перечисленной суммой. Сметный расчёт и заключение специалиста, представленные защитой, в приговоре оценки не получили.

Коллегия указала, что работы были выполнены и приняты заказчиком без претензий и оплата не вышла за пределы цены контракта. Объективных доказательств умысла на хищение в момент его заключения в деле нет. О расчёте

эксперта сказано, что установленные им данные о разнице стоимости «сами по себе не могут предрешать выводы суда о виновности». Апелляционное и кассационное определения отменены, дело направлено на новое апелляционное рассмотрение. Недостоверность сведений в КС-2 и КС-3 относится к четвёртому уровню таблицы 1. Умысел и реальный ущерб лежат на седьмом, и первое не доказывает второго автоматически. Экспертный расчёт, документ пятого уровня, этот разрыв не закрыл, поскольку сравнивал цену с затратами, но не устанавливал, что предприятие изначально не собиралось исполнять контракт. В. Ф. Щепельков, Е. В. Суслина и В. В. Векленко также связывают квалификацию по ст. 159 УК РФ с тем, получены ли деньги за невыполненные работы при завышенных объёмах в актах КС-2 или работы выполнены, но некачественно [14, с. 372–374].

Письмо ФНС России от 10.03.2021 № БВ-4-7/3060@ ставит на первое место реальность операции (п. 2) и связывает ст. 54.1 НК РФ с борьбой против формального документооборота с участием «технических» компаний (п. 4). Подписание документов от имени контрагента неустановленным или неуполномоченным лицом само по себе не даёт оснований признать уменьшение налоговой обязанности неправомерным (п. 5). Заключение почерковедческой экспертизы письмо не признаёт единственным достаточным доказательством (п. 7). Пленум Верховного Суда РФ в п. 8 постановления от 26.11.2019 № 48 напоминает, что уклонение от уплаты налогов возможно только с прямым умыслом и что неустранимые сомнения толкуются в пользу налогоплательщика. Дефект документа и ФНС России, и Пленум рассматривают как повод проверить реальность операции и умысел. Заменой таких доказательств он не считается.

В деле № 85-УД26-2-К1 ложность сведений в актах КС-2 и КС-3 и точная сумма расчёта эксперта не дали оснований для вывода о мошенничестве. Качество документальной базы нельзя оценить по одному признаку. Законно полученный документ может оказаться подделкой, подлинный бывает недостоверен. Даже достоверный документ ещё не доказывает умысла. Уровни,

сведённые в таблицу 1, не замещают друг друга, и дефект на одном из них не компенсируется безупречностью на другом, поэтому производный документ, будь то справка об исследовании или заключение эксперта, не может быть надёжнее первичных документов, на которых он построен.

Пробелы названы самими исследователями. Для документальной проверки и ревизии закон не дал ни определения, ни процессуальной формы. В УПК РФ нет понятия электронного доказательства, и работа с динамическими цифровыми следами остаётся без процедурных гарантий. Восполнить эти пробелы можно уточнением норм УПК РФ о документальных проверках и об электронных носителях, а также методиками, которые связывают оценку документа с проверкой реальности отражённой в нём операции.

Библиографический список:

1. Гаврилин Ю. В. Процессуальный порядок собирания доказательств на энергонезависимых локальных электронных носителях информации / Ю. В. Гаврилин, А. А. Балашова // Сибирский юридический вестник. – 2020. – № 2 (89). – С. 77–82.

2. Жижина М. В. Тактико-методические основы следственного осмотра и назначения экспертизы в отношении документа на бумажном носителе / М. В. Жижина // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2021. – № 2 (78). – С. 124–131.

3. Климович Л. П. Правовое регулирование документальной проверки и ревизии в досудебных стадиях уголовного судопроизводства / Л. П. Климович, Н. Г. Логинова // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2022. – № 1 (46). – С. 19–25.

4. Красовская О. Ю. О признаках служебного подлога / О. Ю. Красовская, Е. Н. Конина // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2024. – № 3. – С. 129–135.

5. Лебедев З. С. Электронные документы в уголовном процессе / З. С. Лебедев // Юридический вестник Самарского университета. – 2022. – Т. 8, № 1. – С. 110–115.

6. Логинова Н. А. Доказательства экономических преступлений как фундамент системы обеспечения национальной экономической безопасности / Н. А. Логинова // Экономическая политика и национальная безопасность. – 2026. – № 1. – С. 62–73.

7. Макеева И. В. Правила и принципы оценки доказательств в уголовном судопроизводстве / И. В. Макеева // Экономика. Право. Общество. – 2022. – Т. 7, № 4 (32). – С. 100–105.

8. Отогочев А. В. Виды цифровых следов преступлений на финансовом рынке / А. В. Отогочев // Актуальные проблемы российского права. – 2025. – Т. 20, № 2 (171). – С. 111–124.

9. Платонов В. В. Значение электронных доказательств в уголовном судопроизводстве / В. В. Платонов // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – № 1 (113). – С. 208–215.

10. Прорвич В. А. Юридические алгоритмы формирования предмета доказывания по преступлениям в сфере цифровой экономики и финансов / В. А. Прорвич, С. В. Расторопов // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2025. – Т. 18, № 2. – С. 190–218.

11. Стрыгина И. Е. Выявление следов незаконного обналичивания денежных средств в системе бухгалтерского учета / И. Е. Стрыгина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2025. – № 2. – С. 39–50.

12. Стрыгина И. Е. Объективность и субъективность экспертного бухгалтерского мнения / И. Е. Стрыгина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2026. – № 1. – С. 53–64.

13. Химичева О. В. О проблеме контроля за сохранностью вещественных доказательств, арестованного или иного имущества, изъятого в ходе досудебного уголовного производства / О. В. Химичева, И. Б. Тутынин // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. – 2024. – Т. 24, № 4. – С. 54–58.

14. Щепельков В. Ф. Применение норм Уголовного кодекса Российской Федерации о мошенничестве: состояние и перспективы / В. Ф. Щепельков, Е. В. Суслина, В. В. Векленко // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2020. – Т. 11, вып. 2. – С. 368–382.

15. Яргутова В. Ю. Предпосылки эффективности и правильности использования специальных экономических знаний сотрудников отделов документальных исследований / В. Ю. Яргутова // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2018. – № 1. – С. 82–87.